

Архив российских предрассудков

Культура. 1999. 29 июля. Фонд культуры против Дома-музея Марины Цветаевой

В Российском фонде культуры состоялась пресс-конференция, посвященная окончанию работы комиссии, разбившей многолетнюю тяжбу этой организации с московским Домом-музеем Марины Цветаевой. История весьма примечательная. Дело в том, что в музее с 1992 года хранится "архив-библиотека русского зарубежья", в составе которой многочисленные документы, рукописи и издания, связанные с жизнью и творчеством русских писателей-эмигрантов. Эти ценности были переданы в музей фондом, когда в его помещениях начался ремонт. По окончании ремонта фонд потребовал свои вещи назад, музей это требование проигнорировал. Конфликт рассматривал Арбитражный суд, отклонивший иск Фонда культуры по причине непредоставления им всей необходимой документации. Сейчас, как утверждает руководство фонда, все бумаги собраны и к новому судебному заседанию все готово. Юристы фонда считают дело беспроигрышным. Но в фонде не хотят его возобновлять. Здесь начинается параллельный сюжет трагикомического свойства. Напомним, что Фонд культуры был создан в 1986 году под председательством академика Лихачева, для налаживания культурной дипломатии. Инициатива эта носила масштабный государственный характер. Фонд опекала Раиса Горбачева, жена главы государства. Все акции, проводимые фондом, оказы-

вались в центре общественного внимания и едва ли не занимали первые строки новостных сообщений. Российские эмигранты на Западе, в силу возраста и географической удаленности не имевшие возможности вникать в детали происходящего, были просто счастливы, что появилась организация, куда можно передать свои архивы, не опасаясь, что те окажутся в спецхранах или в руках подозрительных государственных ведомств. Авторитет Дмитрия Лихачева, матримониальное верховное покровительство, негосударственный характер организации — все это придавало фонду значительный международный вес. Дары шли густым потоком. Письма Гоголя, Николая I, Бунина, Шалапина, рукописи Алданова, Ремизова, Милюкова, живопись Билибина, Коровина, Бориса Григорьева et cetera, et cetera. Вскоре, после регистрации фонда, им был учрежден Музей Марины Цветаевой, директором которого стала Надежда Ивановна Катаева-Лыткина. Благодаря этой женщине такой музей в принципе оказалось возможным организовать, в свое время она спасла дом от разрушения и потом собирала по крохам коллекцию предметов, связанных с историей семьи Цветаевой. Архив деятелей русского зарубежья, как уже было сказано, попал в музей, в общем, случайно, но стал его неотъемлемой частью. Во всяком случае, в представлениях историков и литературове-

Дмитрий ПИОРУНСКИЙ, вице-президент Российского фонда культуры:

— Итоги работы комиссии, организованной Московским правительством для разрешения этого конфликта, для меня крайне неутешительны. Мы победили большинством всего в один голос. Это при том, что все правовые основания для владения этим архивом у нас есть. Главные документы здесь — дарственные. Из них, безусловно, следует, что люди дарили свои вещи Российскому (или Советскому) фонду культуры, а не Музею Цветаевой. Но некоторые сотрудники музея полагают, что у них есть какие-то дополнительные права, которых нет у всех прочих граждан. То есть живут они по понятиям, а не по законам. Решение комиссии — это, конечно, хорошо, но ведь руководство Дома Цветаевой формально имеет право его проигнорировать.

дов, которые долгие годы пользовались этими материалами. Юридически же архив был и остается собственностью Фонда культуры. До определенного момента это не имело никакого практического значения — фонд и музей составляли единое целое.

В 1994 году сотрудники Музея Цветаевой перестали получать от Фонда культуры какие-либо деньги

Надежда КАТАЕВА-ЛЫТКИНА, создатель Музея Цветаевой:

— Они хотят сказать, что эти вещи дарили им, но это неправда. Дарили Фонду культуры, который возглавлял Дмитрий Сергеевич Лихачев. А это был совсем другой фонд, не тот, что сейчас при Михалкове. Теперь там все делается в стиле рекламы парфюма, которым благоухают его усы. Михалков не может быть преемником Лихачева — они слишком разные люди. И сам Лихачев об этом много раз заявлял. Компромисс, который предлагает так называемая комиссия, — глупость. Получается, что они нам передают на хранение и сами всем распоряжаются, мы по этому договору не можем сделать и шага самостоятельно. Они нам будут даже сотрудников нанимать на работу. Пусть судятся, а без этого никаких распоряжений я выполнять не буду.

и, пережив десятилетнюю аскезу, попросились под крыло московских властей. Этот порыв был встречен в Фонде культуры с нескрываемым воодушевлением. Ни о каком архиве тогда не вспоминали. Был подписан какой-то не слишком грамотный договор о хранении, и на том все успокоилось. Затем сменилось руководство фонда — председательское место за-

МНЕНИЯ

Анна КОЛУПАЕВА, заместитель начальника Управления по делам музеев Министерства культуры РФ:

— Если у фонда есть все необходимые документы, вероятно, дело в суде они могут выиграть. Но я бы не рекомендовала такого пути — они ни к чему хорошему не приведет. Ошибка фонда в том, что его новое руководство стало решать эту проблему как сугубо юридическую. Но раньше отношения фонда с музеем не были только юридическими, там были человеческие отношения. Если бы руководители фонда были большими дипломатами — конфликта бы не произошло. Министерство предложило единственно возможный примирительный вариант — Фонд культуры оформляет дарственную, и материалы остаются в музее на законных основаниях. Но в фонде не готовы к такому решению. А значит, эта тяжба будет продолжаться еще очень долго.

нял кинорежиссер Никита Михалков и, как водится, начал свою деятельность с проверки собственности. К ноябрю 1997 года руки дошли и до архива русского зарубежья. В адрес директора Дома-музея Цветаевой было направлено письмо, в котором сотрудникам музея выражалась "благодарность за помощь, оказанную в трудное для нас время" и сообщалось, что фонд "принял решение о возврате архива-библиотеки... в помещение Российского фонда культуры на Гоголевском бульваре". Лукавство этого в принципе вполне оправданного требования заключается в том, что музей в нем фигурирует как организация абсолютно посторонняя, что верно в сугубо юридическом толковании, но не верно по сути. К этому противоречию и восходит глобальный конфликт "закона" и "совести", сто лет назад описанный Островским и сейчас актуализовавшийся во взаимоотношениях двух почтенных культурных ведомств. Разногласия музея и фонда были бы не столь интересны и, так сказать, общественно значимы, касайся они только вопросов собственности. Но современная российская культура таких вульгарностей не понимает. Любый шаг в этой сфере должен иметь какое-нибудь идеологическое содержание. С легкостью обнаруживается оно и здесь. В ответ на требование Фонда культуры вернуть архив сотрудники Музея Цветаевой организовали кампанию протivостояния. Правовым аргументам (отметим, вполне возможным в данном случае) они предпочли аргументы другого порядка. Везде и всюду музейные работники вдохновенно пересказывают героические страницы биографии организатора музея — Н.И. Катаевой-Лыткиной, она не только спасла дом Цветаевой, но и во время Великой Отечественной войны проявляла чудеса мужества на полях сражений. Надо подчеркнуть, что

сама Надежда Ивановна подобными запрещенными приемами не пользуется, очевидно, понимая, что самая блестящая военная биография, а также доблестный труд в мирное время сами по себе не дают возглавляемой ею организации основания претендовать на обладание собственностью другой организации. Отстаивая свою правоту, создатель Музея Цветаевой ссылается на упоминавшееся вначале решение Арбитражного суда, отклонившего иск фонда. Но повторим: иск был отклонен по причине недостатка документов, и его отклонение вовсе не означает, что архив признан собственностью музея. Это юридическая азбука, которая оказывается недоступной нашей культурной общественности. Впрочем, не ей одной. Министерство культуры РФ, пытавшееся выполнять в этом конфликте функции арбитра, породило ситуацию и вовсе анекдотическую. Третьего сентября 1998 года заместитель министра П.В. Хорошилов сообщил руководству фонда, что "материалы архива русского зарубежья включены в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации и отчуждению не подлежат". Почти год понадобился министерству, дабы выяснить, что эта информация не соответствует действительности, и, соблюдая бюрократические стандарты, письмо Хорошилова отозвать.

Гораздо более продуктивными были действия московских властей. Они предложили компромиссный вариант: архив, оставшаяся собственностью фонда, передается им на бессрочное хранение в Музей Цветаевой. Руководство фонда с таким вариантом согласилось и даже разработало проект договора. Руководство Музея Цветаевой упорствует, продолжая настаивать на своем праве владеть архивом. Ситуация патовая. Решение может быть только судебным. Но таковое неприемлемо для Фонда культуры. Там уверены, что судебная тяжба нанесет и без того потрепанной репутации Фонда культуры непоправимый ущерб. "Какая жирная тема бухнулась на мой стол", — писал в подобных случаях Олеша. Законопослушные граждане России уверены, что приговор суда, даже вынесенный в их пользу, ставит крест на их добром имени!

Попробуем рассуждать "по совести". Что лучше — отдать архив Фонду культуры или оставить его в музее? В данных обстоятельствах, безусловно, "оба хуже". Если архив изъять, окажется обездоленным музей, уважаемая и достойная организация. Если оставить все как есть — получится, что государственное учреждение реквизирует собственность общественной организации. Неразрешимая коллизия. И такие будут возникать здесь до тех пор, пока приговор суда будет оставаться проблемой репутации, а не юриспруденции...

Юрий АРПИШКИН